

Мечь или рессентимент: истинная мотивация покушения Трусозкого в повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж»

Жэнь Сяошунь,

аспирант Столичного педагогического университета, Китай
E-mail: beladm09@mail.ru

В статье исследуются мотивы отношений между двумя главными героями повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» – Трусозким и Вельчаниновым, и, самое главное, – истинные причины, побуждающие первого отомстить второму спустя много лет. Для анализа поведения героев и их ценностных установок в качестве теоретической основы были выбраны теоретические размышления Д.С. Мережковского – о природе человеческой личности, как её описывает Достоевский; Ф. Ницше, М. Шелера, Ян Цзинцзянь – о феномене мести, её парадоксальности и негативной ценности, а также о механизме формирования установок на рессентимент; Т.Х. Маршалла – о социальной подоплёке индивидуальных эмоций. Автор статьи приходит к выводам: мечь, ревность и зависть порождают рессентимент; также рессентимент является социальной эмоцией.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Вечный муж», рессентимент, мечь, теория рессентимента Ф. Ницше и М. Шелера.

В центре сюжет повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» – история трагической мести, вызванной любовным треугольником: чиновник из провинциального города Павел Трусозкий, его жена Наталья и ловелас из Петербурга, прожигающий наследство, – Алексей Вельчанинов. После смерти жены Трусозкий обнаруживает спрятанную в шкатулке тайну – неотправленное письмо Натальи Вельчанинову, в котором она признаётся, что именно он является отцом родившейся после его отъезда девочки. Трусозкий, мучимый чувством мести, не просто приезжает в Петербург за новым назначением, но привозит с собой не совсем здоровую дочку. Однако его поведение странно и непредсказуемо: с одной стороны, бывший когда-то добродушным человеком и мужем Трусозкий возненавидел Вельчанинова и мечтает даже убить его, но с другой стороны, Трусозкий, видя в Вельчанинове человека сильнее себя, ищет примирения с ним, готов подчиняться ему и открыть самые потаённые свои чувства. Трусозкий то, обезумев от мести, безжалостно приносит в жертву своему уязвлённому самолюбию маленькую неповинную девочку, то вдруг приглашает Вельчанинова в дом к своей будущей невесте, пытаясь вызвать ревность последнего, то, как истинный друг, помогает больному Вельчанинову во время приступа и в эту же ночь пытается убить его с помощью бритвы. Такой накал страстей и чувств, совмещаемый с игрой в неясность, не могут закончиться без трагедии, переходящей в последствии в фарс – сначала смерть невинного ребёнка, похороны, затем попытка Трусозкого произвести впечатление на совсем юную девушку, которая заканчивается для него полным унижением и осмеянием. Финалом этого жизненного «спектакля-водевиля» становится отъезд Трусозкого в Одессу, его новая женитьба, возвращение к роли «вечного мужа» – обманутого и обманывающегося.

Мечь становится прямой мотивацией, которая приводит в этой повести к убийственной трагедии.

Мечь: инверсия ролей потерпевший / преступник

Мечь является типичным историко-культурным феноменом, корни которого – в понимании справедливости первобытным человеком, которая проявляется в сопротивлении насилию насилием, или в инстинктивном сопротивлении живых организмов вторжению на его территорию неприятеля. Мечь – это один из принципов естественного для человечества закона, отличающегося экстраординарностью

и радикальностью [1, 116]. Именно из-за непредсказуемости, экстраординарности поведения людей в такой ситуации тема мести будет всегда одним из традиционным мотивом в мировой литературе. Будь то Орест, убивший свою мать Клитемнестру из мести за убитого ею отца – в греческой мифологии; или шекспировский Гамлет, обращавшийся к миру с вопросом «быть или не быть?» – для выполнения им миссии мщения; или Медея, отдающая всё ради любви и возненавидевшая возлюбленного за предательство; или Хитклифф из романа «Грозовой перевал» Э. Бронте, для которого месть абсолютно всем становится навязчивой идеей и пр. – эти и другие персонажи мировой классической литературы раскрывают весь трагизм человеческой судьбы, наполненной местью.

Трагический элемент в литературных произведениях подобной проблематики помогает реализовать уникальную эстетическую функцию произведения в описании характеров и выстраивании смысла сюжета. Как пишет канадский филолог Нортроп Фрай (Northrop Frye), «месть может быть очень мощной трагической структурой, часто сохраняясь в качестве центральной темы в самых сложных трагедиях» [2, 209]. Между темой мести и элементом трагедийности существует неразрывная связь – они взаимно предполагают и сопровождают друг друга, воплощая общепризнанный принцип литературного творчества.

Однако повесть Достоевского «Вечный муж» отклоняется от этого принципа. Хотя сюжет повести разворачивается вокруг чувства и обстоятельств мести, но при этом значимость трагизма изначальной причины мщения – предательства мужа женой и другом – ослаблена автором. Иногда даже кажется, что автор придаёт повествованию о любовном треугольнике черты водевиля: ситуация измены проявляется лишь вскользь – в воспоминаниях и в монологах *vis-a-vis*; кажется, что автор даже не упрекает жену в измене мужу с лучшим его другом, и вообще не собирается вызывать у читателей сострадание к простодушному и доверчивому мужу. Так повесть наполняется комедийными оттенками.

Водевильность сюжета «Вечного мужа» проявляется во многих, очень говорящих деталях: в самом названии повести, соединившим экзистенциальное «вечный» с социально-бытовым «муж», и у этого соединения разные смыслы [3, 114]; в фамилиях главных героев; в образе обманутого мужа Трусоцкого (фамилия от слова «трус» – как описание его характера); также в постоянной перемене ролей – потерпевший/преступник. Типична, с комической точки зрения, и внешность Трусоцкого – лыс, со следами оспы на лице, смешон; по впечатлению Вельчанинова – «лицо, правда, неприятное, хотя ничего особенно некрасивого нет; одет, как и все. Взгляд только какой-то...» [4, 17]. В довершение комичности образа Достоевский приписывает ему ещё одну характеристику – Трусоцкий гордо именуется себя Ферситом – героем из поэмы Гомера «Илиада», который был клоуном и имел

уродливую внешность: «был косоглаз, хромоног; совершенно горбатый сзади / Плечи на персях сходились; глава у него подымалась / Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом» [5, 39]. В соответствии с ролью клоуна, Трусоцкий и ведёт себя совсем странно и неожиданно: то «делая двумя пальцами рога над своим лысым лбом» [4, 44], то «робея, как мышь в мышеловке», а то «вдруг выскакивая из-за угла» [4, 20]. На лице Трусоцкого периодически появляются разнообразные глупые улыбки, или он демонстрирует неуместный смех; писатель намеренно применяет разные словоформы с целью показать нюансы поведения персонажа в различных ситуациях, сохранив при этом суть – «с наслаждением хихикал», «нужно и неудачно подхихикивал», «захихикал», «весело похихикивал». В этом хихиканье проявляется какое-то притворство, кривляние, подавленность эмоций, некая безумность, что резко контрастирует с «неприкрытым хохотаньем» Вельчанинова и ещё больше унижает Трусоцкого. Этот «пьяный шут» (как его называет Вельчанинов) охотно соглашается стать объектом насмешек и дразнилок молодых девушек, когда попадает вместе с соперником в семью Захлебниных: и когда говорит неудачный каламбур, и когда с ним выходит конфуз с вином, и во время игры в пословицы, когда все стремительно и без объяснений сбегают от Трусоцкого, и когда его заперли в доме одного, продолжив играть в прятки без него. На всё это Трусоцкий – взрослый мужчина, чиновник не маленького ранга, соглашается, на самом деле, готовясь к мести. Таким образом, комизм положения и поведения Трусоцкого – это нечто большее, чем просто позёрство и актёрство; смешиваясь со сдержанностью, маскировкой и притворством, они становятся частью плана мщения. Планы рушатся, когда он видит, как Вельчанинов, исполняя романс Глинки, при всех обращается только к юной невесте Трусоцкого ...

Достоевский как будто описывает «суть» человека посредственного – «безличности», «корень» его поступков, их цель и расчёт. Как пишет Д.С. Мережковский, «у Достоевского всюду – человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из тёмных, стихийных, животных корней ...» [6, 142]. Но Трусоцкий не вырастает из своих животных корней, а как будто возвращается к ним: будучи посредственностью, «безличностью» после удара судьбы он закономерно начинает «сеять зло». Однако Достоевский всегда выступал против упрощённого понимания природы человека, отстаивая её сложность. Для писателя мир личности человека – это нечто целостное и одновременно разрушенное, соединение личности и безличности, логики и алогичности [7]. Человек, по Достоевскому, выше логики, в нём сознательное и бессознательное не просто уживаются, но и находятся в постоянном противостоянии. Отсюда и сложность поведения Трусоцкого, и даже более, чем поведение Вельчанинова.

Инверсия ролей потерпевший/преступник выполняет дополнительную художественную функцию в построении комической структуры повести. Трусоцкий, как потерпевший от предательства жены и друга, становится рогоносцем, который, не желает даже по прошествии многих лет и смерти жены простить обидчика и превращается в коварного, мнительного мстителя. А Вельчанинов – ловелас, прожигатель жизни и состояния, вдруг обнаруживший в себе «царапание» нравственных угрызений, превращается в «невинную» жертву, которая, хоть и злится на «палача», но всё же прощает и отпускает его, а также – в заботливого отца, не сумевшего спасти свою дочь и искренне раскаивающегося на её могиле. Использование приёма абсурдной подмены ролей Достоевский словно пытается оспорить справедливость мести: комические элементы сюжета раскрывают парадоксальный смысл ситуации.

С точки зрения этической традиции в западной культуре, «все акты воплощения интересов человека, доставляющие ему счастье – любовь, секс, брак часто оцениваются как добрые и справедливые в нарративе мести в западной литературе. Но когда интересы находятся в противоречии, люди делают выбор только в пользу счастья. Это также верно и в отношении акта мести» [1, 119]. Мечь Трусоцкого мотивирована разрушением его брака и любви, и даже после смерти жены он считает справедливым наказать виновника. Трусоцкий «ослеплён» жаждой мести, и эта «слепота» делает из него преступника, ещё более жестокого, чем Вельчанинов: Трусоцкий косвенно виноват в смерти невинной Лизы, а также переходит границу закона, пытаясь зарезать своего противника. Такая мечь ценой жизни и свободы существования других людей противоречит принципам гуманизма и находится за гранью справедливости и разума. Рассматривая парадокс мести, мы обнаруживаем негативные последствия мести, то есть негативную ценность мести.

Рессентимент: причины и следствия «самоотравления души» Трусоцкого

Эмоции – один из субъективных, индивидуальных и внесоциальных опытов, хотя в последние годы такой подход постепенно опровергается социологами, которые чаще всего рассматривают эмоции с точки зрения феноменологии. Например, Т.Х. Маршалл (Т.Н. Marshall) настаивает на том, что «индивидуальное переживание эмоций основано на их социальной подоплёке» [8, 7]. Иными словами, в «конструировании» эмоций участвуют социальные отношения и окружение: «эмоции рождаются из социальных отношений и влияют на их исход. Действительно, мы можем представить эмоции как социальные отношения» [8, 58]. С этих позиций рассмотрим экзистенциальные характеристики эмоций Трусоцкого, применяя теорию рессентимента Макса Шелера (Max Scheler), чтобы обнаружить социальные корни желания Трусоцкого убить Вельчанинова.

Для М. Шелера основной смысл рессентимента таков: «Ресентимент – это самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [9, 13]. В дефиниции выделены две основные черты рессентимента: во-первых, рессентимент возникает вследствие систематического запрета, его образование оказывается динамичным и кумулятивным процессом. Любые негативные эмоции – импульсы мести, жажда, ненависть, злоба, зависть, враждебность и коварство – могут трансформироваться в рессентимент. Во-вторых, рессентимент имеет причины и следствия. В узком значении, по Шелеру, «ресентимент представляет собой ответные реакции. Таким реактивным движением и является импульс мести, в отличие от активных и агрессивных импульсов дружелюбной или, наоборот, враждебной направленности» [9, 14]. Таким образом, рессентимент строится на предшествующем фиксировании чужих душевных движений. В глобальном значении рессентимент, образуясь на определённой социальной основе, отражает характеристики общества определённой эпохи, т.е. он является продуктом общества.

Для более подробного понимания явления рессентимента обратимся к этимологии и толкованиям самого термина. Ресентимент происходит от франц. *ressentiment* – «озлобление». «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева предлагает два значения данного слова: 1) тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе; 2) неприятные чувства, враждебность к кому-л. [10]. В «Большой российской энциклопедии» Ю.Н. Попова отмечается, что «ресентимент» как философский термин впервые упоминается в качестве ключевого понятия у Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» [12], а затем в работе М. Шелера «Ресентимент в структуре морали» [9]. Для Ницше рессентимент означает мотив морали и с его помощью философ объясняет истинную основу ценностей морали, за которыми на самом деле стоят испытываемые униженным человеком эмоции зависти, злобы, мести и т.д. М. Шелер обращает внимание на то, что у истоков рессентимента находится интенсивное переживание, вызывающее определённую эмоциональную реакцию в ответ на поведение другого. Эта эмоция долгое время занимает центральное место во внутреннем состоянии личности и имеет качественно негативный характер [9, 10].

В сердце Трусоцкого рессентимент глубоко укоренился, начавшись с импульсов мести, пройдя через зависть к коварству. Эти импульсы и чувства шаг за шагом продвигаются к допустимой границе самого рессентимента. По словам Шеле-

ра, «импульс мести является самым подходящим отправным пунктом для формирования ressentимента» [9, 16]. Для возникновения импульса мести может быть две предпосылки: во-первых, ему предшествует нападение на человека или травма; во-вторых, вместо того чтобы не сразу конфронтационно реагировать произошедшее, человек рассчитывает дать отпор в следующий раз или при более подходящем случае. Конфронтация и месть для Шелера различаются: первая характеризуется сиюминутной реакцией в ответ на нападение, порождаемая; месть же имеет важную отличительную черту – она зарождается при осознании силы противника и собственного бессилия. Когда Трусоцкий узнаёт, что его друг Величанинов, оказывается, любовник его жены, он не спешит с отпором, а тихо приезжает в Петербург и ведёт себя как Мефистофель в обличье чёрного пуделя (из «Фауста» И. Гёте). Он окольными путями приближается к любовнику, тайно наблюдая и следя за ним, даже устраивает пять случайных мимолетных встреч. Наконец, в одну из ночей он на цыпочках подкрадывается к двери дома Вельчанинова. Встретившись со «старым другом», Трусоцкий пытается похоронить свою обиду глубоко в сердце, скрывает свои намерения в ожидании возможности осуществить план мести.

В попытке осуществить свой план Трусоцкий два раза остаётся ночевать у Вельчанинова и оба раза пытается убить бывшего любовника своей жены. Первая попытка закончилась неудачей по причине того, что желание отомстить пока не достигло критической точки и не превратилось в настоящий ressentiment. После провала первой попытки убийства вновь взывавшая ревность разожгла месть в сердце Трусоцкого и спровоцировала вторую попытку убийства. Ревность – одна из негативных эмоций, которая возникает в процессе слепого соперничества тогда, когда ревнивец не может объективно и спокойно воспринимать ценностные качества другого человека, не чувствуя себя при этом бездарностью. Трусоцкий глубоко ревновал Величанинова, особенно к его образу в прошлом – к его свободе, уверенности, самолюбию, мужественности. Та мужественность – из прошлого – не давала покоя Трусоцкому, потому что она закрепились в рождении Лизы. Именно Вельчанинов отобрал у Трусоцкого роли мужа и отца. Однако и позже Вельчанинов опять дал Трусоцкому повод для ревности. Во время посещения дома Захлебниных все дочери семейства отдали предпочтение Вельчанинову, включая юную невесту Трусоцкого Надю. Последний вновь оказался в унижительном положении. Общаясь с Вельчаниновым, Трусоцкий снова и снова получает оскорбления, и это подпитывает его ревность. Пиковым моментом стал эпизод возвращения Надеи подаренного Трусоцким браслета через Вельчанинова. Когда Вельчанинов вынимает футляр и кладёт его перед Трусоцким, состояние последнего переходит «за одну роковую черту...» [4, 91]. В тот момент ревность дополнилась оконча-

тельным осознанием своего бессилия, безумной завистью, стремлением к соперничеству, коварством, злобой и превратилась в ressentiment.

Именно этот настоящий ressentiment побудил Трусоцкого во второй раз взять бритву и с силой замахнуться ею на лежащего в постели Вельчанинова. И в этот момент он был намного более страшен, чем Семен Петрович Ливцов, о котором незадолго до происшествия Трусоцкий рассказал «анекдотик». «Пырнуть ножом» оскорбленного в собрании, в присутствии дам Ливцова отличается от «пырнуть ножом» униженного неведением и собственным простодушием Трусоцкого. Ливцов «скушал и затаил», что кажется презрительным даже самому Трусоцкому: мол, я-то не скушал, я просто обдумывал и рассчитывал – думает Трусоцкий. И хотя оба персонажа не сразу мстят своим обидчикам, а вынашивают план мести некоторое время, тем не менее «уморительные» в своём покаянии слёзы и восклицания Ливцова очень даже схожи с «приступами сердечной дружбы» к Вельчанинову у Трусоцкого. Совершив преступление, Ливцов растерялся и впал в панику, мучимый страхом и раскаянием; слёзы и крики его свидетельствуют, скорее, что чувство мести у Ливцова исчезло. Трусоцкий же ведёт себя иначе: после покушения он продолжает смотреть на Вельчанинова «пристально, но каким-то тёмным взглядом», он даже «тупо улыбнулся, кивнув на графин с водой, стоявший на столе, проговорил коротким полупрошептом: – Водички бы-с» [4, 99]. Это значит, что Трусоцкий прекрасно осознаёт, что он задумал сделать, и при этом не испытывает никакого страха или раскаяния. Спокойная реакция Трусоцкого свидетельствует, что он не избавился от ressentимента. Таким образом, можно сказать, что настоящий ressentiment не исчезает после совершения мести.

В «Вечном муже» ressentiment является довольно распространенной социальной эмоцией. Им будут охвачены не только Трусоцкий, но и другие персонажи. Например, из-за мучений бессонницы и депрессии, сам Вельчанинов становится чрезвычайно мнителен и тщеславен. Он намеренно отказывается от многих прежних знакомств, и начинает любить уединённость, словно, всё виденное и прочувствованное им за бурную жизнь очень сильно утомило и разочаровало его. В его глазах появился «оттенок грусти и боли» [4, 6] – он слишком долго «играл», «исполнял роль», запрещая себе искренне выражать настоящие «душевные движения и аффекты».

Александр Лобов также испытывает состояние, вызванное ressentimentом. По теории Шелера, Лобов принадлежит к ressentimentному типу человека «отступник», который отказывается от старой веры и переходит в новую. «Он живёт не её позитивным содержанием в стремлении к осуществлению ею целей, а лишь борьбой против старого и ради отрицания старого. Утверждение нового происходит не ради самого нового: оно лишь непрерывная цепь актов мести его собственному ду-

ховному прошлому» [9, 46]. Лобов ненавидит светского человека и отрицает закон. Этот отступник гордо заявляет: «И знаете, прежде, давно уже, я был чистый славянофил по убеждениям, но теперь мы ждем зари с запада...» [4, 105].

Приведённые примеры позволяют сделать вывод о том, что ресентимент как социальная эмоция опирается на значимые черты определённой социальной истории и социального пространства.

Достоевский писал романы и повести, место действия которых происходит в Петербурге – «Идиот», «Подросток», «Преступление и наказание», «Вечный муж» и пр. Для Достоевского Петербург был не только географическим пространством, но и своеобразным культурным символом. Китайский исследователь Ван Ицунь также подчеркнул особенности природного и социального климата Петербурга: «Петербург – это не географическое пространство, а уникальный жизненный мир, сформированный ландшафтом, культурой и местными жителями. Можно сказать, что равнодушие и враждебность – суть атмосферы этого пространства» [13, 92]. Равнодушный и враждебный мир Петербурга присутствует как в романе «Преступление и наказание», так и в повести «Вечный муж». Словами Вельчанинова Достоевский характеризует картину удручающего социального устройства и жизни Петербурга: «здесь так пыльно, так душно, в этом доме так всё запачкано; в этих присутствиях, по которым я слоняюсь, между всеми этими деловыми людьми – столько самой мышиной суеты, столько самой толкучей заботы; во всём этом народе, оставшемся в городе, на всех этих лицах, мелькающих с утра до вечера, – так наивно и откровенно рассказано всё их себялюбие, всё их простодушное нахальство, вся трусливость их душонок, вся куриность их сердчишек, – что, право, тут рай ипохондрику, самым серьёзным образом говоря! Всё откровенно, всё ясно, всё не считает даже нужным и прикрываться, как где-нибудь у наших барынь на дачах или на водах за границей; а стало быть, всё гораздо достойнее полнейшего уважения за одну только откровенность и простоту...» [4, 10].

Ужасные условия жизни порождают ужасное душевное состояние многих петербуржцев, что описывается с помощью слов «пыльно», «душно», «пачкано». Отрицательные эмоции, настроение и даже злоба не скрываются, а открыто проявляются на лицах жителей города. Словно, среди них существует некий «социальный договор», закрепляющий торжество эгоизма («наивно и откровенно демонстрирующийся в их себялюбии») и цинизма («простодушное нахальство»). «Простодушное нахальство» как воплощение всяческих нарушений и попрания самых высоких моральных качеств, торжества порока и разврата, тщеславия и высокомерия становится фундаментом ужасающего социального мироустройства и источником ресентимента Труссоцкого. Попав в такое окружение, Труссоцкий не может не испортиться нравственно окончательно и не попытаться отомстить

обидчику. Но его месть – вовсе не случайный фактор, вызванный любовным треугольником, а социально трагический и неизбежный исход, предусмотренный ресентиментом.

Анализ ситуации обмена ролями потерпевший/преступник позволил обнаружить скрытую негативную ценность справедливого, по мнению мстителя, мщения. Эта парадоксальность мести содержится уже в её сути. Осмысление мотивации желания Труссоцкого убить Вельчанинова подводит к выводу о том, что оно не было возбуждено просто местью, а обусловлено ресентиментом, так свойственным жителям тогдашнего Петербурга. Основные положения теории ресентимента М. Шелера помогли проанализировать процессы, в результате которых в сознании Труссоцкого созревает и окончательно оформляется установка на ресентимент. При этом необходимо отметить роль и влияние существовавшей социальной реальности, наполненной эгоизмом и цинизмом, на обоих героев повести. Именно поэтому оба главных героя постоянно меняются ролями и в итоге характеризуются словами Вельчанинова: «оба мы порочные, подпольные, гадкие люди...» [4, 87]. В этих образах Достоевскому удаётся воплотить, как пишет российский достоевсковед А. Криницын, «всё типическое, выработанное русской литературной традицией» [3, 116–117].

Литература

1. Ян Цзинцзянь. Месть: одна модель нарратива и культурного выражения в западной литературе // Зарубежное литературоведение. 2004. № 4. С. 116–121.
2. Northrop Frye. *Anatomy of Criticism*. USA, Princeton University Press, 2000. pp. 383.
3. Криницын А. Сюжетно-мотивная структура повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2012. № 28. С. 114–160.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 9. Ленинград: Изд-во «Наука», 1974. 528 с.
5. Гомер. Илиада / Перев. Н.И. Гнедича. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1960. 435 с.
6. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Ф. Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
7. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М., 1991. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kudryavcev-yurij-grigorjevich/tri-kruga-dostoevskogo> (дата обращения: 14.06.2023).
8. Брайан С. Тернер. Тело и общество: Исследования в области социальной теории. Перев. с англ. Го Чжунхуа, Цзян Хунцзюнь. Чанчунь, ООО «Издат. группа Цзилинь», 2007. 224 с.
9. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.
10. Эмлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с.

11. Попов Ю.Н. Ресентимент // Большая российская энциклопедия. Т. 28. М., 2015. С. 428–429. URL: <https://bre.mkrf.ru/philosophy/text/3507122> (дата обращения: 10.06.2023).
12. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Сочинения: в 2т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1999. 833 с.
13. Ван Ицюнь. Мотивы убийства Раскольникова. Исследование, основанное на теории «ресентимента» Макса Шелера// Русская литература и искусство, 2019. № 4. С. 90–98.

REVENGE OR RESENTMENT: THE TRUE MOTIVATION OF TRUSOTSKY'S ASSASSINATION IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELLA "THE ETERNAL HUSBAND"

Ren Xiaoshun

Capital Normal University, China

The article explores the motives of the relationship between the two main characters of F.M. Dostoevsky's novel "The Eternal Husband" – Trusotsky and Velchaninov, and, most importantly, the true reasons that motivate the first to take revenge on the second many years later. To analyze the behavior of the heroes and their value attitudes, the theoretical basis was chosen by D.S. Merezhkovsky – on the nature of the human personality as described by Dostoevsky; F. Nietzsche, M. Scheler, Yang Jingjian – on the phenomenon of revenge, its paradoxicity and negative value; T.H. Marshall's book is about the social background of individual emotions. The author of the article comes to the conclusions: revenge, jealousy and envy generate resentment; resentment is also a social emotion.

Keywords: F.M. Dostoevsky, "Eternal Husband", resentment, revenge, theory of resentment by F. Nietzsche and M. Scheler.

References

1. Yang Jingjian. Revenge: One model of narrative and cultural expression in Western literature // Foreign Literary Studies. 2004. No. 4. pp. 116–121.
2. Northrop Frye. Anatomy of Criticism. USA, Princeton University Press, 2000. pp. 383.
3. Krinitsyn A. Plot-motive structure of F.M. Dostoevsky's novella "The Eternal Husband" // Dostoevsky and World Culture. Almanac. 2012. No. 28. pp. 114–160.
4. Homer. Iliad / Translated by N.I. Gnedich. M.: State Publishing House of Artists. literature, 1960. 435 p.
5. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. Vol. 9. Leningrad: Publishing house "Science", 1974. 528 p.
6. Merezhkovsky D.S. L. Tolstoy and F. Dostoevsky. M.: Nauka, 2000. 589 p.
7. Kudryavtsev Yu.G. Three circles of Dostoevsky. M., 1991. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kudryavcev-yurij-grigorjevich/tri-kruga-dostoevskogo> (accessed: 06/14/2023).
8. Brian S. Turner. The Body and Society: Studies in Social theory. Perv. from English. Guo Zhonghua, Jiang Hongjun. Changchun, LLC "Izdat. Jilin Group", 2007. 224 p.
9. Sheler M. Resentment in the structure of morals. St. Petersburg: Nauka, University Book, 1999. 231 p.
10. Komlev N.G. Dictionary of foreign words. Moscow: Eksmo, 2006. 669 p.
11. Popov Yu.N. Resentment // The Great Russian Encyclopedia. Vol. 28. M., 2015. pp. 428–429. URL: <https://bre.mkrf.ru/philosophy/text/3507122> (date of reference: 10.06.2023).
12. Nietzsche F. To the genealogy of morality / F. Nietzsche // Essays: in 2t. Vol. 2. M.: Publishing house "Thought", 1999. 833 p.
13. Wang Yiqun. The motives of Raskolnikov's murder. A study based on Max Scheler's theory of "resentment"// Russian Literature and Art, 2019. No. 4. pp.90–98.